

Прибытие «армии Бурбаки» в Веррьеры

Интернирование Первой французской армии в Швейцарии 1 февраля 1871 г.

Франсуа Бюньон

«Армия находится в состоянии готовности. У нее есть все, вплоть до последней пуговицы на гетрах», — заявил маршал Лебеф, военный министр в правительстве Наполеона III, при голосовании относительно предоставления необходимых для мобилизации кредитов.

Редко приходилось сталкиваться со случаями подобного ослепления: весьма средне снаряженной, слабо подготовленной, а главное, бездарно руководимой французской армии суждено было терпеть одно поражение за другим. Уже в ходе первых сражений, в августе 1870 г., она вынуждена оставить Эльзас и Лотарингию, за исключением нескольких осажденных крепостей — Страсбурга, Селесты, Не-Бризака, Меца и Бельфора. 2 сентября Наполеон III с 80 тысячами человек капитулирует в Седане, что приводит к падению Второй империи; пруссаки тем временем идут на Париж.

Провозглашенной 4 сентября Республике достается в наследство безнадежное положение: с 18 сентября осажден Париж, и «Правительство национальной обороны» с лучшими войсками оказывается заточенным в столице; охваченному пламенем Страсбургу приходится сдаться 28 сентября; 27 октября в Меце с 150 тысячами человек капитулирует маршал Базен, что позволяет пруссакам усилить осаду Парижа, население которого голодает, а вскоре начнет страдать и от холода¹.

С этого момента все внимание сосредоточивается на Париже, судьба которого и должна решить исход войны. В провинции спешно собирают новые войска, с тем чтобы предпринять попытку прорвать осаду столицы, и, кое-как снарядив их, бросают прямо в бой. Несмотря на это, Луарская армия добивается определенного успеха: ей удается потеснить баварцев в Кульмьере (9 ноября), затем она продвигается в направлении Бон-ла-Роланда (28 ноября), до тех пор, пока не оказывается отброшенной к югу. 6 декабря пруссаки занимают Орлеан. Париж подвергается массированному обстрелу, в нем поселяется отчаяние, положение становится все более шатким: в домах холод, качество хлеба отворачи-

¹ Pierre Benaerts, Henri Hauser, Fernand L'Huillier et Jean Maurain. Nationalité et nationalisme (1860–1878). Nouvelle édition, Paris, Presses universitaires de France, 1968, pp. 198–209.

тельное, в мясных лавках появляется характерная для осажденного времени еда — лошадиное, ослиное, собачье, кошачье и крысиное мясо¹.

Будучи не в состоянии прорвать блокаду столицы, военное министерство, которое выполняет функцию генерального штаба, не располагая для этого необходимой компетенцией, разрабатывает план проведения отвлекающего маневра в восточном направлении: из остатков Луарской армии создается новая армия для освобождения Бельфора — стратегического пункта, через который проходит дорога из Вогеза в Юру и чей гарнизон смог помешать осаждающим захватить город; в случае успеха эта армия должна поставить под угрозу коммуникации захватчика и отвлечь от Парижа часть прусских войск².

После победы в Виллерсекселе (9 января 1871 г.) Восточной армии под командованием генерала Бурбаки удается приблизиться к Бельфору на расстояние пушечного выстрела. Около Лизена, однако, ее дальнейшее продвижение блокируется противником. Продолжающиеся три дня ожесточенные бои не позволяют прорваться через рубежи, удерживаемые прусскими войсками, которые по численности значительно уступают французским, но зато в тысячу крат лучше подготовлены; ответный удар немецкого командования обрушивается подобно молнии: из части сил, осаждающих Париж, оно создает новую армию, которая, минуя Дижон, заходит в тыл Восточной армии и ставит под угрозу ее пути подвоза снабжения и отвода войск³.

Отступление становится неизбежным, отступление поистине драматическое из-за невыносимого холода, отступление, которое в скором времени обратится в беспорядочное бегство. Деморализованные серией неудач, изнуренные маршами и контрмаршами, не прекращающимися вот уже два месяца, с трудом прокладывающие себе путь по снегу и льду, в рваной обуви и изодранной одежде солдаты отдаются воле судьбы, полностью позабыв о дисциплине и утратив инстинкт самосохранения. Одни дезертируют, бросая свое оружие и амуницию, другие в полном изнеможении ложатся на снег и умирают прямо на обочине дороги. Не подкованные в шип, изголодавшиеся лошади, которых не распрягали в течение нескольких недель, падают, поскользнувшись на льду, и больше не могут подняться.

26 января генерал Бурбаки, раздавленный несчастьями, выпавшими на долю его армии, пытается выстрелом в висок покончить жизнь самоубийством. 28 января Жюль Фавр, министр иностранных дел «Правительства национальной обороны», и граф Бисмарк, канцлер Германской империи, провозглашенной за несколько дней до этого в Зеркальной галерее, подписывают в Версале договор о перемирии, который влечет за собой приостановление военных действий на всех фронтах, но только не для Восточной армии, что приводит к еще большему смятению и беспорядку в ее рядах⁴.

¹ Idem, pp. 209–216.

² Colonel Edouard Secretan. L'Armée de l'Est (20 décembre 1870 — 1re février 1871). Deuxième édition, Neuchâtel, Attinger Frères Editeurs, 1894, pp. 26–48.

³ Idem, pp. 154–315.

⁴ Idem, pp. 345–498.

Понимая, что война проиграна, и видя, как пруссаки отрезают последние пути к отступлению, генерал Кленшан, преемник злополучного Бурбаки, решается, после очередной отчаянной попытки вырваться из окружения, обратиться с просьбой об интернировании своей армии в Швейцарии, усматривая в этом единственную альтернативу капитуляции.

Ранним утром 1 февраля 1871 г. на Веррьерском пограничном пункте генерал Герцог, главнокомандующий швейцарской армией, и генерал Кленшан подписывают соглашение (см. в рамке)¹, в соответствии с которым Восточной армии разрешается проследовать в Швейцарию при условии, что она сдаст свое оружие.

Генерал Герцог, главнокомандующий армией Швейцарской Конфедерации, и дивизионный генерал Кленшан, главнокомандующий Первой французской армией, договорились о нижеследующем:

- Статья 1. Французская армия, обратившаяся за разрешением проследовать на территорию Швейцарии, сдаст, пересекая ее границу, свое оружие, снаряжение и боеприпасы.
- Статья 2. Это оружие, снаряжение и боеприпасы будут возвращены Франции после восстановления мира, а также после окончательного возмещения убытков, понесенных Швейцарией в связи с пребыванием на ее территории французских войск.
- Статья 3. То же касается артиллерийских орудий и боеприпасов.
- Статья 4. Офицерам будут оставлены лошади, оружие и амуниция.
- Статья 5. Положения, касающиеся войсковых лошадей, будут приняты впоследствии.
- Статья 6. Продовольственные и багажные повозки, после выгрузки их содержимого, будут немедленно отправлены во Францию вместе с приставленными к ним возничими и лошадьми.
- Статья 7. Казначейские и почтовые кареты будут переданы со всем их содержимым Швейцарской Конфедерации, которая учтет их при расчете по понесенным ею убыткам.
- Статья 8. Исполнение этих положений состоится в присутствии французских и швейцарских офицеров, специально назначенных с этой целью.
- Статья 9. Конфедерация оставляет за собой право определить место интернирования для офицеров и солдат.
- Статья 10. Федеральному совету надлежит дать подробные указания, предназначенные для дополнения настоящего Соглашения.

Совершено в трех экземплярах в Веррьерях 1 февраля 1871 г.

Кленшан

Ханс Герцог

¹ *Idem*, pp. 549–550; Documents diplomatiques suisses (1848–1945), vol. 2, Berne, 1985, p. 497; *De Clerq. Recueil des Traités de la France*, vol. X, p. 421; The Consolidated Treaty Series, ed. by *Clive Parry*, vol. 142, pp. 475–476.

В течение всего дня 1 февраля, всей ночи, а также части следующего дня нескончаемой вереницей тянулись люди, кареты, лошади, артиллерийские орудия, ящики и фургоны.

«Картина, которую являло собой вступление французских солдат Восточной армии, была захватывающей, и нельзя было при виде таких страданий не чувствовать глубокого волнения в сердце», — пишет в официальном докладе об интернированных в Швейцарии французских войсках майор Давалль, после чего добавляет:

«Как только солдат отпускал страх перед постоянной опасностью, которая преследовала их на протяжении нескольких недель [...], как только они чувствовали себя на гостеприимной земле, где со всех сторон к ним тянулись руки помощи, они падали в изнеможении и теряли те немногие силы, которые все еще оставались в них.

У многих из них ноги были босые или завернуты в жалкие тряпки; их ботинки из пористой кожи, плохо продубленные и в большинстве случаев слишком узкие, не смогли выдержать похода по снегу и грязи [...], кроме того, у многих из этих несчастных ноги были обморожены или до крови изранены. Обмундирование превратилось в лохмотья, и солдаты, облаченные в одежду, которую они подобрали для того, чтобы заменить ею старую, пришедшую в негодность, представляли собой невообразимо пестрое зрелище. Многие из них все еще были в холицовых штанах, полученных в начале кампании, и дрожали от холода так, что нельзя было не проникнуться к ним жалостью.

Как только солдаты ступали на швейцарскую землю, их разоружали; их ставляли сдавать винтовки, сабли и амуницию, состоявшую из мелких боеприпасов. В скором времени на снегу по обеим сторонам дороги выросли целые груды оружия и других предметов военного снаряжения.

Но самую сильную жалость вызывали лошади: изголодавшиеся, в течение долгого времени лишенные ухода, часто с плохо пригнанной сбруей, со спинами, нередко являвшими собой одну сплошную отвратительную рану; тощие, с ввалившимися боками, с трудом державшиеся на ногах, они пытались грызть все, до чего только могли дотянуться: они глодали ободья колес, старые корзины, хвосты и гривы своих соседей. То и дело одно из этих бедных животных, совершенно сломленное и не способное двигаться даже под ударом хлыста, падало и некоторое время спустя умирало. Мы ограничивались тем, что срезали с него постромки и оттаскивали его к обочине дороги, вдоль которой повсюду, здесь и там, лежали в огромном количестве трупы лошадей [...].

По признанию самих возничих, многих приписанных к артиллерии лошадей не распрягали по несколько недель [...].

Шествие, начавшееся утром 1 февраля, продолжалось целый день без остановки; сначала, без всякого порядка и никому не подчиняясь, прошла смешанная толпа солдат [...]. Затем появилось несколько организованных отрядов, вслед за ними одна или две вновь собранные роты, потом батальоны в сопровождении своих командиров и, наконец, один или два полка в полном составе [...].

Руководствуясь совершенно естественным инстинктом самосохранения, эти люди постоянно жались к голове колонны, вследствие чего вереница была непрерывной и двигалась без перебоев [...].

Покрытые снегом склоны Юры с тремя или четырьмя единственными в это время года проезжими дорогами, ведущими в Швейцарию, являли собой странное зрелище. Длинные черные полосы, извиваясь, пересекали сельскую местность и перемещались безостановочно, подобно горной реке, стремящейся в долину; время от времени тысячи повозок останавливали движение людского потока: привал, отдых. Непрестанно получая толчки в спину, пересекая малолюдную местность и не располагая никаким довольствием, разве что самым незначительным, для удовлетворения своих столь острых потребностей, солдаты спускались в долину в надежде набрести на какой-нибудь город или большую деревню, где они смогли бы наконец хоть немного отдохнуть. Части, которые первыми тронулись в путь, шли до самого вечера, чтобы освободить дороги для продвижения других частей; добираясь до населенной местности, жители которой заранее готовились оказать помощь, эти бедные солдаты, изможденные, изголодавшиеся, садились на корточки вдоль стен домов и застывали в этой позе, утратив всякую способность не только двигаться, но и владеть членораздельной речью.

От головы до хвоста колонн проносился резкий, непрерывный кашель, поскольку все, за редким исключением, были больны, и этот недуг, разрывавший им грудь, еще сильнее истощал организм»¹.

Французский главнокомандующий объявил о вводе 42 тысяч человек. Однако в действительности он ввел в Швейцарию 87 847 человек (из них 2467 офицеров), 11 800 лошадей, 285 пушек и мортир, 1158 повозок².

Высшим офицерам было разрешено выбрать место пребывания в Швейцарии. Солдат разместили в 188 городах и селах всех кантонов Швейцарии, за исключением кантона Тичино, пропорционально числу их жителей³.

Около пяти тысяч человек были немедленно отправлены в больницы, однако практически всем остальным солдатам также пришлось оказывать помощь, и все места для приема интернированных — церкви, школы, казармы и пр. — были переоборудованы в лазареты⁴.

2 февраля Федеральный совет поручил швейцарскому министру в Париже начать переговоры с «Правительством национальной обороны», а также с Бисмарком относительно репатриации интернированных. Получив согласие от Франции, министр Керн, однако, натолкнулся на твердый и недвусмысленный отказ Бисмарка, не собиравшегося лишать себя каких бы то ни было средств

¹ Major E. Davall. Les troupes françaises internées en Suisse à la fin de la guerre franco-allemande en 1871, Rapport rédigé par ordre du Département militaire fédéral sur les documents officiels déposés dans ses archives. Berne, 1873, pp. 42–44.

² Secretan, op. cit., p. 553. В начале кампании, к концу декабря 1870 г., в Восточной армии насчитывалось от 120 до 140 тысяч человек.

³ Davall, op. cit., pp. 50–51, 61–62 et 83–87; Secretan, op. cit., p. 575.

⁴ Secretan, op. cit., p. 579. Покидая 25 января Безансон, Восточная армия оставила там от 8 до 10 тысяч раненых и больных, которые были помещены в больницы и импровизированные санитарные пункты города (Idem, p. 474). Майор Давалль (op. cit., p. 290) говорит о том, что в госпиталях и созданных в связи со сложившимися обстоятельствами санитарных пунктах медицинскую помощь получили 17 897 интернированных; однако эта цифра не учитывает тех, кому была оказана помощь в течение первых дней интернирования и кого невозможно было зарегистрировать в силу неотложного характера помощи, которую должен был оказать медицинский персонал.

давления для того, чтобы принудить французское правительство как можно скорее подписать унижительный для Франции договор о мире¹.

Поэтому, для того чтобы получить от Германии согласие на репатриацию интернированных, пришлось ждать ратификации прелиминарного мирного договора (2 марта 1871 г.). Репатриация была осуществлена в период с 13 по 24 марта. Наиболее значительная часть войск была вывезена железной дорогой через Женеву, остальные войска — через Веррьеры, Дивонн, а также водным путем через Женевское озеро².

Около тысячи больных все еще находились в больницах и по мере выздоровления репатриировались маленькими группами. 1700 интернированных скончались в Швейцарии от тифа, оспы и легочных заболеваний³.

Связанные с интернированием расходы составили 12 миллионов франков. В соответствии с Веррьерским соглашением Франция полностью возместила эту сумму в августе 1872 г.⁴

*
* *

Война 1870–1871 гг. выявила серьезные пробелы в правилах, применявшихся в отношении ведения военных действий. За исключением принятой незадолго до войны Женевской конвенции об улучшении участи раненых в действующих армиях от 22 августа 1864 г., право войны представляло собой право, основанное исключительно на обычае. Эти пробелы повлекли за собой серьезные споры между воюющими, что, в свою очередь, привело к репрессалиям.

Воодушевленный примером Международного Комитета Красного Креста, который выступил с предложением о принятии, еще в мирное время, конвенции, призванной регламентировать действия воюющих, царь Александр II созвал в Брюсселе, в период с 27 июля по 27 августа 1874 г., конференцию, цель которой заключалась в кодификации законов и обычаев войны.

В проекте декларации, который должен был послужить основой для работы Брюссельской конференции, правительство Санкт-Петербурга не предусмотрело положения об интернировании в нейтральной стране. Однако воспоминания об отступлении «армии Бурбаки» были настолько свежими, что оставить этот вопрос без внимания не представлялось возможным. И действительно, ни разу еще в истории не было отмечено факта интернирования в нейтральной стране такой огромной армии и при таких драматических обстоятельствах. Кроме того, интернирование Восточной армии вызвало к жизни новые юридические проблемы, относившиеся как к праву войны, так и к праву нейтралитета,

¹ Documents diplomatiques suisses, vol. 2, pp. 498–526; *Davall*, op. cit., pp. 215–218; *Secretan*, op. cit., pp. 576–578.

² *Davall*, op. cit., p. 263; *Secretan*, op. cit., pp. 578–579.

³ *Davall*, op. cit., pp. 263 et 291–297; *Secretan*, op. cit., p. 579.

⁴ *Davall*, op. cit., pp. 304–311; *Secretan*, op. cit., p. 579.

и разрешенные путем переговоров, которые Швейцария вела, с одной стороны, с Германией, а с другой — с Францией¹.

Вот почему Конференция с легкостью согласилась рассмотреть точку зрения делегата из Бельгии, который предложил решить данный вопрос, представив с этой целью проекты статей соответствующего содержания. В ходе продолжительных дискуссий были подготовлены статьи 53–56 Брюссельской декларации, в которых, вне всякого сомнения, чувствуется влияние событий в Веррьерах².

Поскольку Брюссельскую декларацию так и не ратифицировали, вопрос был вновь поставлен на Первой международной конференции мира, собравшейся в Гааге в период с 18 мая по 29 июля 1899 г.; принятые в Брюсселе статьи были внесены, практически дословно, в Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны от 29 июля 1899 г.³

Поставив перед собою цель кодифицировать не только право войны, но и право нейтралитета, Вторая международная конференция мира, проходившая в Гааге с 15 июня по 18 октября 1907 г., включила эти положения в новую *Конвенцию о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны* от 18 октября 1907 г.⁴ Кроме того, Конференция более подробно рассмотрела вопрос об участии бежавших военнопленных, ищущих убежища в нейтральной стране, а также военнопленных, приведенных войсками, нашедшими убежище на нейтральной территории, — вопрос, который Брюссельская конференция не смогла решить вследствие своей неспособности достигнуть какого-либо соглашения по нему⁵.

Так были разработаны статьи 11–15 *Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны* от 18 октября 1907 г., которая по сей день остается в силе. Эти статьи составляют главу II Конвенции «*О воюющих, водворенных в нейтральном государстве, и о раненых, находящихся у него на излечении*».

¹ Другие разногласия, имевшие отношение к праву нейтралитета, возникли в начале войны, когда Пруссия попросила о том, чтобы ей разрешили пользоваться железными дорогами Бельгии и Люксембурга для эвакуации лиц, получивших ранения в ходе боев в Меце и Седане (См. *Conférence internationale de la Paix, la Haye, 18 mai — 29 juillet 1899, Nouvelle édition, La Haye, Ministère des Affaires étrangères, 1907, troisième partie, pp. 87–88*).

² Документы Конференции, проводившейся в Брюсселе с 27 июля по 27 августа 1874 г. с целью кодифицировать законы и обычаи войны, *De Martens* (éd.). *Nouveau Recueil général de Traités, Deuxième série, tome IV, pp. 26–27, 90, 162–168, 182–189, 195–197 et 225–226*.

³ Статьи 57–60 Регламента, являющегося приложением к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, от 29 июля 1899 г., *Conférence internationale de la Paix, La Haye, 18 mai — 29 juillet 1899, première partie, pp. 30–31, 46–47, 54–55 et annexes, pp. 27–28; troisième partie, pp. 22, 37–38, 46–47, 85–88 et 146*.

⁴ Гагская конвенция V от 18 октября 1907 г.

⁵ *Deuxième Conférence internationale de la Paix, La Haye, 15 juin — 18 octobre 1907, Actes et documents, La Haye, Ministère des affaires étrangères, 1907, tome I, pp. 125, 136–150, 345–346 et 640; tome III, pp. 33–40, 51–62, 134, 179–185, 241, 246 et 257–267*.

Статья 11

Нейтральное Государство, принявшее на свою территорию войска, принадлежащие к воюющим армиям, обязано водворить их по возможности далеко от театра войны.

Оно может содержать их в лагерях и даже подвергнуть заключению в крепостях или приспособленных для этой цели местах.

От него зависит решить, могут ли офицеры быть оставлены на свободе, под честным словом не покидать нейтральную территорию без дозволения.

Статья 12

Если не имеется особого соглашения, то нейтральное Государство принимает на себя доволствие водворенных пищею и одеждою, а также оказывает им помощь, требуемую человеколюбием.

Расходы по содержанию водворенных возмещаются при заключении мира.

Статья 13

Нейтральная Держава, принимающая бежавших военнопленных, оставляет их на свободе. Если она допускает их пребывание на своей территории, то она может им назначить местопребывание.

То же постановление может применяться к военнопленным, приведенным войсками, ищущими убежища на территории нейтральной Державы.

Статья 14

Нейтральная Держава может разрешить перевозку по своей территории раненых и больных, принадлежащих к воюющим армиям, под условием, чтобы везущие их поезда не перевозили бы ни войск, ни военных припасов. В этом случае нейтральное Государство обязано принять необходимые меры предосторожности и надзора.

Доставленные при этих условиях на нейтральную территорию одним из воюющих раненые и больные, принадлежащие его противнику, должны быть содержимы нейтральной Державой так, чтобы они не могли снова принять участие в военных действиях. Такие же обязанности лежат на ней и по отношению к раненым и больным другой армии, введенным ее попечению.

Статья 15

К водворенным на нейтральной территории больным и раненым применяется Женевская конвенция¹.

¹ Deuxième Conférence internationale de la Paix, La Haye, 15 juin — 18 octobre 1907, Actes et documents, tome I, p. 640; Manuel du Mouvement international de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, Treizième édition, Genève, Comité international de la Croix-Rouge et Fédération internationale des Sociétés de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, 1994, pp. 322–323.

Эти положения, относящиеся к праву войны, равно как и к праву нейтралитета, применялись несколько раз — в частности, в ходе двух мировых войн. Наиболее известный случай связан с интернированием 45-го Корпуса французской армии под командованием генерала Дайя, который, подобно Восточной армии, оказавшейся за 70 лет до этого в кольце прусской пехоты, попал в окружение немецких танков генерала Гудериана и был вынужден искать убежища в Швейцарии. 18 июня 1940 г., сразу после того как маршал Петен обратился с просьбой о перемирии, а генерал де Голль, находясь в Лондоне, выступил с призывом об оказании сопротивления, около 45 тысяч человек, из которых 29 тысяч были французами и марокканцами, а 12 тысяч — поляками, поступившими на службу в ряды французской армии, пересекли границу в нескольких километрах к северо-востоку от Веррьеров. Но если в январе 1941 г., согласно договоренности между Германией и правительством «Виши», французы и марокканцы были репатрированы, то полякам суждено было оставаться в Швейцарии на правах интернированных до конца военных действий¹.

*
* *

«Целое поколение людей, которые здесь, в Швейцарии, стали свидетелями мрачного эпилога этой жестокой войны, на века сохранило о нем тяжелые воспоминания. Никогда еще не приходилось видеть в этой счастливой стране такого бедствия», — пишет полковник Эдуар Секретан, заканчивая свое сочинение, посвященное Восточной армии².

Жалкое состояние войск, а также факт их рассредоточения по всей территории Швейцарии глубоко поразили воображение местных жителей и вызвали замечательную по своей силе волну солидарности не только в тех городах и селах, через которые проходили французские солдаты, но и в тех населенных пунктах, где они жили впоследствии в ожидании разрешения вернуться домой. В течение первых дней движение было спонтанным: многочисленные семьи без всяких колебаний делились продовольствием и кормом для скота, которыми они запаслись, чтобы продержаться до нового урожая. Однако очень скоро швейцарские власти и Швейцарский Красный Крест, учрежденный за четыре года до этого, развернули активную деятельность по оказанию помощи интернированным, по предоставлению им продуктов питания и медицинского ухода, в которых те так остро нуждались. Прием «армии Бурбаки» явился, кроме того, первой крупной операцией по оказанию помощи, осуществленной Швейцарским Красным Крестом³.

¹ *Edgar Bonjour. Histoire de la neutralité suisse, Traduction de Charles OSER, Neuchâtel, La Baconnière, 1970, tome VI, pp. 41–95, André Lasserre. Frontières et camps, Le refuge en Suisse de 1933 à 1945, Lausanne, Editions Payot, 1995, pp. 150–158.*

² *Secretan, op. cit., p. 557.*

³ К сожалению, не существует, насколько нам известно, сводного отчета обо всех мероприятиях, осуществлявшихся Швейцарским Красным Крестом при интернировании в Швейцарии Восточной армии. Тем не менее в отчете секции Красного Креста кантона Невшатель, которая в силу географических причин первой пришла на помощь интернированным, описываются мероприятия, которые вначале, при продвижении через этот кантон французских войск, проводились спонтанно, а затем,

Глубокое впечатление, произведенное прибытием французских солдат, пробудило во многих свидетелях желание увековечить память об этом необычном событии при помощи пера или кисти¹.

В 1876 г. предприниматель по имени Бенджамин Геннеберг решил создать в Женеве панораму, изображающую веррьерские события; к ее оформлению он привлек женевского художника Эдуара Кастра. В 1880 г. акционерное общество «Панорамы Марселя, Лиона и Женевы» приступило к строительству здания; ротонда имела внушительные размеры: диаметр — 40 метров, высота — 28 метров; высота панорамы, покрывавшей внутреннюю стену, составила 14 метров².

На Эдуара Кастра выбор пал не только потому, что он был талантливым художником, но и потому еще, что он работал на добровольных началах во Французском Красном Кресте в качестве санитар-носильщика. Будучи приписанным к санитарной службе, он принимал участие в кампании Восточной армии и 1 февраля оказался в Веррьерях, где и стал одновременно участником и свидетелем драмы, случившейся с его товарищами по оружию³. Его произведение — огромная круговая панорама площадью 1100 квадратных метров — позволило увековечить страдания французских солдат в момент, когда они пересекают швейцарскую границу, чтобы сдать оружие.

Открытие панорамы состоялось 24 сентября 1881 г. «*Правдоподобие потрясающее [...], и все вместе это производит неизгладимое впечатление*», — писала по поводу панорамы газета «*Journal de Genève*»⁴.

в течение последующих недель, приобрели более организованный характер: создание кухни, благодаря которым проходивших солдат кормили горячей едой, открытие медицинских пунктов для оказания помощи раненым и больным в ожидании их отправки в больницы, размещение огромного числа больных или здоровых солдат в общественных зданиях или в домах частных лиц, распределение продовольствия, одежды, корма для скота, дров и пр. Société suisse de Secours aux Militaires blessés, Section neuchâteloise, Rapport général, 1er juillet 1871, Neuchâtel, Imprimerie de James Attinger, 1871.

¹ André Meyer und Heinz Horat. Bourbaki, Episoden und Erlebnisse aus der Internierungszeit der Bourbaki-Armee 1871. Bem, Edition Erpf, 1981.

² Idem, pp. 15–16. Панорама являлась способом художественного выражения, пользовавшимся огромным успехом во второй половине XIX века. Она помещалась в круглом, имевшем форму ротонды, здании, вся внутренняя стена которого была покрыта по окружности картиной, изображавшей пейзаж или выдающееся историческое событие; картина должна была создавать иллюзию реального пространства; потолок и пол оформлялись таким образом, чтобы посетитель, попадавший в зал с панорамой по подземному переходу или по винтовой лестнице, которая вела на приподнятую в центре ротонды платформу, чувствовал себя внезапно перенесенным непосредственно в пейзаж или в изображаемое событие. Многие города Западной Европы имели свои панорамы, и общества, демонстрировавшие эти панорамы, перевозили их из одного города в другой. Панорама была впоследствии вытеснена кинематографом, прообразом которого она же и послужила. Некоторые ротонды уцелели и были переоборудованы в театры, как, например, Ротонда Елисейских Полей в Париже. Насколько нам известно, единственной панорамой, которая сохранилась и постоянно выставлялась с момента своего создания, является панорама с изображением Веррьеров, демонстрируемая в настоящее время в Люцерне. По свидетельствам современников, она представляет собой самое совершенное произведение этого жанра.

³ Idem, p. 53. В 1872 г. Эдуар Кастр приобрел известность благодаря выставлявшейся в Салоне картине «Санитарный пункт под снегом». Его полотно — одно из первых живописных изображений санитарного пункта Красного Креста — было награждено золотой медалью и получило признание критиков.

⁴ «*Journal de Genève*», 28 septembre 1881.

Панорама, изображающая Веррьеры, демонстрировалась в Женеве до 1889 г. Затем ее переместили в Люцерн, где она находится и по сей день¹. Пользуясь случаем, я хочу выразить глубокую признательность Инициативному комитету, учрежденному в целях сохранения панорамы, а также властям города и кантона Люцерн, недавно проголосовавшим за предоставление кредитов для реставрации этого уникального произведения, этого последнего памятника той формы художественного выражения, которая процветала в XIX веке, но которая давно уже исчезла, этого волнующего свидетельства о невыразимых страданиях, которые причиняет любая война.

Франсуа Бюньон — лицензиат филологических наук и доктор политологии, начал работать в МККК в 1970 г. Является заместителем директора Управления доктрины, права и связей с Международным движением Красного Креста и Красного Полумесяца. Автор работы «Le Comité international et la protection des victimes de la guerre». CICR, Genève, 1994.

¹ *Brigit Kämpfen-Klapproth. Das Bourbaki-Panorama von Edouard Castres, 2e édition, Lucerne, Edition de la Ville de Lucerne, 1983, pp. 39–47.*